

На спектаклях наших гостей

Гастролирующий во Львове Ворошиловградский драматический театр познакомил львовян с большей частью своего репертуара, насчитывающего сейчас около 20 пьес.

Следует оговориться, что некоторые интересные работы театр не включил в программу этой гастрольной поездки, зная, что такие пьесы, как «Годы странствий», «Сердце не прощает» и ряд других, уже знакомы здешнему зрителю по постановкам местных театров.

Однако и из того, что мы увидели, достаточно отчетливо вырисовывается творческое лицо театра и возможности его артистического коллектива.

Хочется отметить две радующие тенденции в работе наших гостей. Прежде всего складывается впечатление, что театр не ищет путей «...протопанной и легкой». Он идет своей собственной, зачастую совершенно непроторенной дорогой. Это сказывается и в выборе репертуара, и в режиссерском прочтении пьес, и в трактовке ролей отдельными исполнителями.

Показательно, например, что театр первым на Украине поставил малоизвестную советскому зрителю по сценическому воплощению пьесу М. Лермонтова «Испанцы». В его репертуаре, отличающемся большим жанровым разнообразием, мы находим и пьесы «Мария Тюдор» Виктора Гюго, «Уриэль Акоста» К. Гюцкова, привлекая внимание немногих театров. Находим мы в репертуаре наших донецких гостей много лет не возобновлявшиеся на сцене комедии «Чужой ребенок» Шкваркина, «Чудесный сплав» Киршона и написанную совсем недавно молодым драматургом А. Салыньским пьесу «Забывший друг».

Несомненна и вторая четко выраженная тенденция: в центре внимания театра — пьесы современного репертуара. И дело не только в количественном их преобладании, но и в том, что современная пьеса в Ворошиловградском театре встречается бережное, вдумчивое отношение к творческому особенностям драматурга, к раскрытию авторского замысла. Нередко еще приходится видеть небрежное сценическое прочтение современных пьес. Не один режиссер еще считает, что только у Чехова, мол, надо раздумывать над каждой авторской ремаркой, а, скажем, ставя пьесу Шкваркина или Салыньского, можно особенно не углубляться в сокровенный смысл вписанного драматургом слова.

В Ворошиловградском театре современные пьесы — стержень, основа репертуара. Их постановкой театр, по выражению его художественного руководителя народного артиста УССР П. Ветрова, «стремится ответить на насущные вопросы, волнующие зрителя». И усилил эти во многом плодотворны.

На двух работах театра хотелось бы остановиться несколько подробнее: это спектакли «Испанцы» и «Забывший друг».

Трагедия «Испанцы» — первое драматическое произведение М. Ю. Лермонтова, написанное им в юношеские, университетские годы. Известно, что обращение к материалам испанского средневековья понадобилось Лермонтову для того, чтобы удобнее выразить мысли, навеянные окружающей его действительностью николаевской России. Трагедия создается в период, последовавший за поражением декабристов, и воплощает протест поэта против социального неравенства, национального угнетения, лицемерной религии.

Сценическое воплощение «Испанцев» представляет известные трудности. Нельзя сказать, что тут все удалось театру. На наш взгляд, первейшим недостатком является недостаточно выразительное прочтение лермонтовского стиха. Несмотря на то, что «Испанцы» — творение шестнадцатилетнего Лермонтова, стих его и в этой трагедии местами уже по-

Гастроли Ворошиловградского театра во Львове

ражает своей афористической точностью («Где суд в Испании? Есть сборище разбойников». «Благородство не в бумагах, а в сердце»). Но в устах некоторых артистов ансамбля сила лермонтовского стиха пропадает для зрителя. К большому сожалению, это следует отнести и к исполнителю центральной роли Фернандо — заслуженному артисту УССР А. Коженовскому.

Роль Фернандо вряд ли следует считать творческой удачей артиста, продемонстрировавшего львовянам свою талантливую игру во многих других спектаклях. Здесь он не лишен мелодраматичности, однообразен в приемах выражения душевных переживаний, а иногда и попросту вял.

Образ Фернандо особенно проигрывает при сопоставлении с умно и тонко очерченной артистом А. Радзиным фигурой святейшего подлека патера Соррини.

Здесь есть над чем задуматься А. Коженовскому, являющемуся не только исполнителем главной роли, но и режиссером спектакля.

Прекрасно раскрыты возможности, заложенные в роли Моисея, заслуженным артистом УССР Я. Аренским. Большая эмоциональная насыщенность и естественная простота отличают игру артистки Л. Синельниковой, исполняющей роль Ноэми.

Игра Л. Чеботарской (Сара) лишний раз подтверждает ту истину, что нет маленьких, незначительных ролей. Хорошо сыгранные, они не остаются незамеченными зрителем.

В игре молодой артистки Поздняковой, исполняющей роль Эмили, ничто не вызывает серьезных возражений. Хотелось бы только пожелать артистке большей яркости исполнения.

С трактовкой образа дон Альвареса артистом Соловьевым вряд ли можно согласиться. У Соловьева он скорее напоминает комедийных отцов, чем персонаж лермонтовской трагедии, о котором Фернандо говорит, что у него: «гордый вид, как будто в нем соединились все души предков».

Некоторые купюры, произведенные в тексте трагедии, представляются вполне оправданными. Но не во всем можно одобрить стремление театра к портативности оформления спектакля. Думается, что именно этим объясняется отступление от указаний самого Лермонтова, содержащихся в тексте пьесы, насчет декораций второй картины второго действия (повторяющихся и в третьем действии). Вместо комнаты с коврами и сундуками, где согласно авторскому указанию «все богато», перед зрителем предстает лужайка с весьма неудачно сделанной пещерой. Последняя открыта с фасадной части, но для чего-то снабжена в боковой части фанерной дверью. Нет, с такой «модернизацией» обстановки никак нельзя поздравить художника Л. Солодова.

Ворошиловградский театр, с которым мы сейчас знакомимся, — опытный творческий коллектив. Не хотелось бы, чтоб он равнодушно проходил мимо такого рода недостатков.

Спектакль «Забывший друг» — также режиссерская работа А. Коженовского.

Эта пьеса А. Салыньского вызвала уже немало откликов в печати. Одни называют ее «дуэлью без свидетелей и секундантов» и объявляют, что слезы, которые при постановке ее выступают на глазах зрителей, — «качественно низкосортные, неполноценные». Другие предвещают ей недолгую сценическую жизнь. Но все вынуждены в той или иной мере признать, что зрителя пьеса волнует. Это само по себе значит уже немало. И думается, что театр вполне закономерно заинтересовался этим произведением, несущим в себе немаловажные, отнюдь не

«мелкотравчатые» размышления о людях и жизни.

Пьеса Салыньского, разумеется, не свободна от недостатков. Начать хотя бы с того, что Григорий Карпов, занимающий первое место в списке действующих лиц и почти непрерывно появляющийся перед зрителем во всех четырех актах, прямого отношения к центральному конфликту не имеет, а призван лишь оттенять его. Это ли не просчет автора?! Не меньшее удивление вызывает и стремление Салыньского нагромоздить в образе Янушкина все

и всяческие пороки, даже почти несовместимые. Справедливо отмечалось и то, что не Янушкина разоблачают, а он как бы саморазоблачается. Но нельзя не рассматривать новую пьесу Салыньского как продолжение важного разговора, начатого им в «Опасном спутнике», где долго и успешно маскировавшийся трус и негодяй становится причиной гибели честного и мужественного человека, где скрестились насмерть два очень жизненных и типичных характера, две непримиримые жизненные позиции. Ведь и в «Забывтом друге» мы имеем дело с тем же.

Свойственное Ворошиловградскому театру, как об этом говорилось выше, бережное и вдумчивое прочтение драматургического материала позволило в постановке пьесы «Забывший друг» добиться ряда удач.

Прежде всего — это удача А. Коженовского, создавшего запоминающийся образ Терентия Гуськова. Хочется отметить также умное, проникнутое большим тактом исполнение роли Григория Карпова артистом В. Гурским.

Молодой артист Б. Гусев во многих эпизодах достигает большой выразительности созданным им образом Янушкина.

А вот исполнительнице роли Елены артистке Е. Ветровой, на наш взгляд, не удалось использовать все заложенные в роли возможности. Елена — несомненная удача драматурга. Но артистка трактует роль так, что не видно никакого движения образа. А ведь Елена во втором акте не та, что в третьем, и в третьем не та, что в четвертом. И это должно органически пронизывать все ее поведение. Во втором акте Елена — еще покорная жена Янушкина, в третьем — стремительно, от эпизода к эпизоду, идет по пути обретения нового человеческого достоинства, а в четвертом — уже в состоянии противостоять Янушкину. Очень важно было это подчеркнуть.

Думается, не стоит предрешать вопрос о том, удержится ли пьеса Салыньского в репертуаре театров. Но слезы зрителей на этом спектакле я видела и полагаю, что нет все-таки достаточных оснований объявлять их «неполноценными».

Настоящие заметки отнюдь не претендуют на обзор работы театра, и даже той ее части, которая была продемонстрирована львовскому зрителю. Это всего лишь отдельные мысли, вызванные знакомством с интересным творческим коллективом.

Свыше двадцати тысяч зрителей только за первые пятнадцать дней побывали на спектаклях Ворошиловградского театра, и все они желают нашим донецким гостям наращивать и приумножать творческие успехи.

Ольга БАРКОВА.

На спектакле «Испанцы». Моисей — заслуженный артист УССР Я. Аренский, Ноэми — артистка Е. Ветрова.